

На правах рукописи

Шаповалова Елена Владимировна

**Модель галликанства в церковно-политической концепции
кардинала Ришелье**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

10 МАЯ 2012

Москва 2012

Работа выполнена в Учебно-научном Центре изучения религий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор психологических наук
Мухелишвили Николай Львович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель Центра истории исторического знания
Института всеобщей истории РАН

Бобкова Марина Станиславовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и
новейшей истории исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В.
Ломоносова

Пименова Людмила Александровна

Ведущая организация: **Московский педагогический государственный университет**

Защита состоится «28» мая 2012 г. в ____ часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д.212.198.06 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д.6.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат культурологии

С.А. Еремеева

Общая характеристика работы

Актуальность исследования.

Термин «галликанство» (франц. *Gallicanisme*) впервые был употреблен на I Ватиканском соборе (1869 - 1870), заменив описательные названия («свободы и привилегии галликанской церкви» и др.). Подразумеваемая совокупность церковных, политических и правовых учений, распространившихся во Франции в период с XV до конца XVIII века, в основе которых лежала идея частичной независимости французской церкви от папской власти и консилиаризма, галликанство тождественно идее французской автономии в Европе.

В начале XX века в научной литературе появляются определения видов галликанизма, представленных, в частности, в типологии Ж. Тома, выделившего три его формы: *церковный* (ограничение соборами власти папы, Галликанская церковь находится под покровительством монархии), *королевский* (устанавливаются отношения между монархией и Римом, монарх получает право вмешательства в дела клира) и *парламентский* (право парламента лишать папу всех полномочий, касающихся сфер мирской жизни и передавать их монарху) (Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.)).

Личность кардинала Ришелье, одного из наиболее ярких сторонников галликанства, и его деятельность неизменно вызывают интерес у многих поколений исследователей как зарубежных, так и отечественных. Образ этого выдающегося политика, чей вклад в становление французской государственности, признан даже его противниками, остается достаточно противоречивым. Прежде всего, потому, что образ Ришелье часто неотделим от мифа о кардинале, созданного, в том числе, художественной литературой эпохи романтизма, и, прежде всего, французскими писателями А. Дюма и А. де Виньи. Так, под влиянием романа А. де Виньи работал, в частности, французский историк д'Авенель. Подобное влияние чувствуется и в отечественной историографии. Как следствие, наряду с образом выдающегося государственного деятеля, укрепившего королевскую власть, сплотившего французскую нацию и унифицировавшего законы на территории королевства, в историографии довольно часто встречается образ тирана, подчинившего себе слабovolного короля и ответственного за проблемы, возникшие во французском обществе. В частности, связанные с кризисом абсолютной монархии в XVIII веке. При этом зачастую кардинала критиковали и апологеты, и противники абсолютизма. Так, «левые» обвиняли его в консервации Старого порядка, а «правые» – в его разрушении.

Не менее остро вопрос стоит и когда речь заходит об оценке деятельности кардинала как иерарха Католической церкви на светском посту первого министра королевства. На протяжении многих веков не угасал спор о соотношении светской и духовной властей. В первой половине XVII века, когда власть все еще рассматривалась в сакральном измерении, а провозглашенная в V веке папой Геласием теория «двух мечей», согласно которой, оба вида власти должны быть равноценными, не соответствовала действительности, деятельность личности в обеих плоскостях мыслилось как посягательство одной сферы на другую. При этом церковь (римский престол, с одной стороны, и французское духовенство, с другой) обвиняла Ришелье в пренебрежении ее интересами, а светская аристократия видела в кардинале священника, реализующего собственные амбиции и посягнувшего на ее исконные права.

Поводом для данного исследования стало некоторое противоречие в утверждении Р. Лоджа, что Ришелье был первым в Европе, кто рискнул применить на практике принципы толерантности (*Lodge R. Richelieu*, London: Macmillan, 1896. P. 203), а также Н.И. Кареева, назвавшего правление кардинала одним из не слишком частых случаев «абсолютизма без вероисповедной окраски» (*Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI – XVIII веков*, М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. С. 304), с традиционным представлением о Ришелье как о государственном деятеле, обеспечившем торжество абсолютизма Людовика XIV, в свою очередь, религиозной терпимостью не отличавшегося. Принято считать, что политический курс Короля-Солнце стал логическим продолжением курса Ришелье. А отмена Нантского эдикта в 1685 году в пользу статуса католической церкви как единственной в государстве и, как следствие, массовые отъезды гугенотов из Франции, не позволяют причислить Людовика XIV к сторонникам толерантности или людям, индифферентным к религиозному вопросу. С этой точки зрения, позиция кардинала может быть расценена как противоречившая всем начинаниям короля Генриха IV, стремившегося к примирению враждующих религиозных партий (католической и кальвинистской). Альтернативный взгляд на Ришелье – это оценка его деятельности как разрушения традиционных устоев французского общества, более того, традиционного подхода к религии, согласно которому религия (во Франции – католицизм) являлась основой государственности. И в таком случае, сохранив преемственность с политическим курсом Генриха IV, кардинал выступает фактически антагонистом Людовика XIV. Отдельно взятым примером противоречивости образа Ришелье в историографии можно считать полярные интерпретации Нимского эдикта (1629 г.), либо как уничтожение привилегий гугенотов, дарованных Нантским эдиктом (1598 г.), либо как милость короля своим подданным, решения которого были выгодны гугенотам.

Будучи, прежде всего, практиком, Ришелье оставил после себя сочинения, представляющие собой скорее практическое руководство к действию, нежели теоретические выкладки. Особый интерес представляет его концепция соотношения церкви и светской власти в государстве, выразившаяся в своеобразной *модели* галликанства, отличной от представлений как его предшественников, так и последователей.

Арман Жан дю Плесси де Ришелье (1585 – 1642) был посвящен в сан епископа в 1607 году в возрасте 22 лет, заняв кафедру в Люсонской епархии. 23 февраля 1615 года как депутат от духовенства он произносит свою знаменательную речь на заключительном заседании Генеральных штатов, за время работы которых молодой честолюбивый инициативный прелат проявил себя с самой лучшей стороны. 24 ноября 1616 года епископ Люсонский становится министром иностранных дел и военным министром, а уже 30 ноября того же года формируется новое министерство во главе с Кончини, в котором Ришелье отводится должность государственного секретаря. Кроме того, он становится духовником молодой королевы Анны Австрийской. Блестящая карьера не была разрушена даже опалой в годы противостояния юного короля и королевы-регентши, покровительствовавшей епископу. Так, 5 сентября 1622 года епископ Люсонский получает сан кардинала, а в апреле 1624 года входит в Королевский совет. Наконец, в августе 1624 года король назначает Ришелье своим Первым министром.

Для современного исследователя кардинал Ришелье интересен, прежде всего, своим прагматичным подходом к религиозной и светской сферам, ставившим во главу угла исключительно *«raison d'Etat»* – государственный интерес, что не было характерно для французского общества первой половины XVII века. В свою очередь это выводит нас на теории секуляризации (термин не употреблявшийся в XVII веке и отсутствовавший в риторике самого кардинала, однако по смысловому наполнению созвучный современному дискурсу), наглядно представляя реализацию светского подхода (в одном из вариантов) к политической сфере и государственному управлению, так что мы можем говорить о попытке создания надконфессионального государства.

Степень научной разработанности проблемы.

Несмотря на обширную библиографию трудов, посвященных кардиналу Ришелье, специальных исследований, сосредоточенных на его представлениях о роли церкви в государстве и распределении церковной и светской властей, практически нет. Скорее речь

можно вести об анализе некоторых тезисов кардинала, растворенном в исследовании его политической и общественной деятельности, его биографии и т.д.

В качестве работ, наиболее значимых для данного исследования, отметим труд Энтони Леви (*Levi A. Cardinal Richelieu and the Making of France, New York, 2000*), ценный не только достаточно подробной биографией Ришелье и вниманием к деталям, но и анализом влияния на кардинала бытующих в обществе умонастроений и идей: как политических, так и богословских.

Франсуа Блюш (*Bluche F. Richeleu, P., 2003*) наряду с биографическими данными и исторической характеристикой эпохи уделяет внимание и богословским сочинениям Ришелье, что представляется важным, поскольку эта сторона деятельности кардинала исследована в гораздо меньшей степени.

Особое внимание следует обратить на сочинение «Ришелье» Ричарда Лоджа (*Lodge R. Richelieu, London: Macmillan, 1896*), в котором религиозной политике кардинала посвящена отдельная глава.

Одним из наиболее авторитетных современных биографов кардинала считается Филипп Эрланже (*Erlanger P. Richelieu, P., 1970*), чей труд использовался при написании данной диссертации для прояснения деталей биографии Ришелье..

В отечественной историографии, посвященной кардиналу, особый интерес представляют работы А.Д. Люблинской (*Люблинская А.Д. Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610-1620 гг., Л: Ленинградский гос. ордена Ленина ун-т им. Жданова, 1951; Люблинская А.Д. Ришелье в исторической литературе XIX-XX вв.//Вопросы истории, №10, 1946; Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг., Л: Наука, 1982*) и подробная биография кардинала, написанная П.П. Черкасовым (*Черкасов П.П. Кардинал Ришелье, М.: Олма-Пресс, 2002*). В своей работе «Кардинал Ришелье» автор не только изложил жизнеописание этого политического деятеля, но и попытался дать оценку его вклада в развитие французского общества. Оценка, как и в большинстве других случаев, получилась неоднозначной.

Анализу «Политического завещания» посвящена кандидатская диссертация Е.А. Городиллиной (*Городиллина Е.А. Взгляды Армана де Ришелье на государство и право, Москва, 2001*), в которой автор усматривает актуальность политических идей кардинала не только для французского общества XVII века, но во многом и для современности. В связи с этим значительное место отводится анализу убеждений Ришелье в обязательном верховенстве

закона, которому должны быть подчинены все граждане без исключения, в обязанности государства защищать своих подданных вне зависимости от их социального и имущественного положения, в необходимости веротерпимости.

Имя кардинала неразрывно связано со становлением абсолютной монархии во Франции, с разгромом гугенотской партии, с Тридцатилетней войной. Поэтому оценка деятельности Ришелье во многом зависит от взглядов историков именно на эти аспекты французской истории. Немаловажно и то, как они представляли себе процесс становления абсолютизма и что понимали под этим термином. Комплексных исследований, анализирующих позицию Ришелье относительно соотношения светской и церковной властей, его взгляды на роль католической церкви, не проводилось. Таким образом, данная диссертационная работа является первым отечественным исследованием, посвященным этой теме.

Принципиально важной для данного исследования является схема, предложенная французским историком академиком Э. Ле Руа Ладюри (*Le Roy Ladurie E. The Royal French State: 1460-1610, Wiley-Blackwell, 1994*), касающаяся процесса эволюции французской национальной идеи и ее секуляризации.

В качестве источников в работе используются «Политическое завещание» кардинала Ришелье и его «Мемуары» (в частности, речь Ришелье, тогда еще епископа Люсонского, на Генеральных Штатах 1614-1615 гг.), богословское сочинение «Наставление христианина», а также дипломатическая и частная переписка как самого кардинала, так и других видных деятелей первой половины XVII века.

«Политическое завещание» анализируется по амстердамскому изданию 1691 г (*Richelieu A.J. Testament politique du cardinal duc de Richelieu, premier ministre de France sous le regne de Louis XIII, Amsterdam: chez Henri Desbordes, 1691 (4 ed.)*). Цитирование на русском языке производится по переводному критическому изданию, осуществленному в Москве в 2008 г, как наиболее полному (*Ришелье А.Ж. Политическое завещание, М.: Ладомир, 2008*).

«Мемуары» кардинала в настоящий момент переведены на русский язык лишь частично, в 2005 г был издан перевод первого тома (*Ришелье А.Ж. Мемуары, Т.1, М.: АСТ, 2005*). Особенный интерес вызывает речь Ришелье на Генеральных штатах 1614-1615 гг., включенная им в «Мемуары» в виде отдельного внутреннего документа, позволяющего сравнить его церковно-государственную концепцию в начале деятельности с «итоговой», изложенной в «Политическом завещании», и проследить динамику его взглядов. В диссертационном исследовании использовалось французское издание 1823 г (*Richelieu A.J. Memoires du Cardinal de Richelieu sur le regne de Louis XIII, P., 1823*).

Сочинение «Наставление христианина», представляющее собой катехизис, написанный Ришелье для нужд Люсонской епархии в течение 1611-1618 гг., является источником для исследования его деятельности в ранний период. Перевод данного труда на русский язык не осуществлялся. В исследовании используется французское издание 1944 г (*Richelieu A.J. Instruction du chretien, Avignon, 1618; P., 1642; P.: Imp. Nationale, 1944*).

Переписка кардинала исследуется по нескольким критическим изданиям. Прежде всего, это «Письма, инструкции, дипломатические и государственные бумаги кардинала Ришелье» в восьми томах под редакцией Д. Авенеля, изданные в XIX в (*Richelieu A.J. Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'etat du cardinal de Richelieu, P., T.3, 1858; T.4, 1861*) и «Письма кардинала Ришелье», вышедшие в 1695 г (*Richelieu A.J. Lettres du cardinal duc de Richelieu, P.: M.Gramoisi, 1695*). Особую ценность представляет издание части ленинградского архива, предпринятое А.Д. Люблинской в 1982 г, включившей документы, касающиеся кардинала (как его собственные письма, так и бумаги его сподвижников), в приложение к одной из своих работ (*Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг.*).

В работе также используются несколько рукописных источников из архива РГБ.

Целью диссертации является анализ церковно-политической концепции Ришелье и определение особенности его позиции по вопросу соотношения церковной и светской властей в контексте общих исторических и культурных процессов во Франции XVII века, в связи с чем мы можем говорить об особой *модели* галликанства, отстаиваемой кардиналом.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- Описать основные аспекты взаимоотношений церкви и королевской власти во Франции как в первой половине XVII века, так и в исторической ретроспективе.
- Выявить основные тенденции взаимоотношений религиозных течений во Франции в конце XVI – первой половине XVII века.
- Проанализировать основные аспекты внешней и внутренней религиозной политики кардинала Ришелье.
- Показать, как эти аспекты соотносятся с положениями основных трудов кардинала.
- Проанализировать виденье кардиналом роли Католической церкви во Франции и в Европе на основе его основных сочинений и документов.

– Понять возможные причины формирования подобной позиции, для чего следует рассмотреть возможные внешние влияния на позицию кардинала по вопросу соотношения светской и церковной властей.

Объектом исследования выступают внешняя и внутренняя религиозная политика кардинала, в частности, его взаимоотношения с Римом (как центром католицизма), и различными религиозными направлениями внутри Франции, а также его реформы в религиозной сфере, на основании чего мы можем сделать вывод о приверженности Ришелье идее галликанства.

Предметом данного исследования является религиозно-государственная концепция Ришелье, раскрывающая его представления о статусе Франции в Европе, роли католической церкви и взаимоотношениях государства и церкви как во внешнеполитическом, так и внутригосударственном поле.

Методология исследования.

В работе над диссертацией использовались следующие исследовательские методы:

– **Историко-типологический метод** при анализе феномена галликанства в концепции Ришелье. При этом важным для исследования является веберовский «идеальный тип» как концептуальная модель, позволяющая упорядочивать эмпирический материал, инструмент исторического познания (*Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания). Выделенный им «исторический» идеальный тип – это, прежде всего, заключенный в определенной словесной формуле мысленный образ, за которым стоит некая историческая реальность. Типология галликанства может рассматриваться также с точки зрения подхода Г.П. Беккера (*Becker H.* *Constructive Typology in the Social Sciences*), предложившего в качестве теоретической модели «конструктивную типологию», предполагающую выявление типичного в эмпирической реальности и шкалирование признаков.

– **Структурно-функциональный анализ** исторического феномена галликанства, представленного в концепции Ришелье, как структурно расчлененной целостности, в которой церковь рассматривается в качестве подразделения со строго определенными функциями. Подход, согласно которому в религиозно разнородном обществе религия имеет тенденцию скорее разъединять, чем объединять, основывается на

функционализме Р.К. Мертон и его критике постулата «функционального единства общества» (Мертон Р. Социальная структура и аномия). Утверждение Р.К. Мертона о возможности дисфункции религии в обществе и его критика «обязательности» тех или иных социальных институтов, позволяет подойти к исследованию церковно-политических воззрений кардинала Ришелье с позиции концепции Р.К. Мертона о «функциональных альтернативах».

Хронологические рамки исследования определены годами активной деятельности Ришелье и охватывают период с 1607 года (с момента получения Ришелье сана епископа Люсонского) по 1642 год (до смерти кардинала). Кроме того, в диссертации рассматриваются предпосылки деятельности Ришелье и среда формирования его взглядов. Таким образом, большое внимание, в частности, уделяется религиозным процессам во Франции второй половины XVI века.

Научная новизна исследования заключается в том, что в настоящей диссертации впервые проводится комплексное исследование церковно-государственной концепции Ришелье и его видения галликанства. Кроме того, многие источники (прежде всего, обширная переписка кардинала) не существуют в русском переводе и прежде не становились объектом специального исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Принципиальным положением концепции кардинала Ришелье, отличавшим ее от идей современников кардинала, является секуляризованный подход к понятию «подданного», ставший возможным как вследствие общих тенденций изменения в менталитете французов в конце XVI – первой половины XVII века, так и вследствие рационального подхода самого Ришелье к данному вопросу.
2. Несмотря на то, что в процессе абсолютизации королевской власти между политикой Генриха IV, Ришелье и Людовика XIV наблюдается четкая преемственность, в отношении религиозной политики можно говорить о радикальном отличии деятельности Ришелье, выразившемся в отказе от религиозной однородности в пользу интеграции общества. Таким образом, ограничение Нантского эдикта ни в коей мере нельзя рассматривать как первую ступень к его отмене в 1685 году, поскольку это были санкции разного рода.

3. Ришелье рассматривал церковь Франции в контексте Французского королевства как часть единой государственной системы со строго определенными функциями в духовной сфере, что вызывало нарекания в его адрес, как со стороны римского престола, так и французских епископов.
4. В отношении конфликта вокруг гугенотской крепости Ла-Рошели целесообразнее не применять четкого определения религиозной/нерелигиозной войны, поскольку рациональный подход королевской власти к проблеме в данном случае столкнулся с преобладающей религиозной мотивацией защитников города.
5. Концепция галликанства Ришелье была своеобразна и отличалась от идей как предшественников, так и последователей кардинала. Рациональный подход к управлению королевством, секулярное понятие подданного, политическое пространство без вероисповедной окраски, религиозная разнородность (в отличие от политики Екатерины Медичи, которая путем реформы церкви стремилась сохранить мир и религиозную однородность; Генриха IV, даровавшего гугенотам привилегии, но, по сути, превратившего их в закрытую группу, выделенную в обществе; и Людовика XIV, отменившего в 1685 г. Нантский эдикт в пользу религиозной однородности), объединенная унифицированным королевским правом – все это можно рассматривать как элементы *модели* галликанства, выстроенной кардиналом. И поскольку, данная *модель*, исключая консильризм и доминат парламента, ближе всего к королевскому галликанизму, по типологии Ж. Тома, в ее рамках производится отказ от идеи разрыва с Римом при условии исключительно духовного патроната римского престола.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что в ней на конкретном примере рассматриваются подходы к решению проблемы взаимодействия светской и церковной властей в контексте религиозной разнородности, а также попытки государственной власти разрешить конфликтные ситуации, возникающие в обществе на религиозной почве. Рассматриваемые вопросы имеют актуальность как для современной Франции и Европы в целом, так и для современной России. Следует подчеркнуть, что некоторые источники, рассматриваемые в контексте настоящего исследования, вводятся в научный оборот впервые. Результаты, представленные в диссертации, могут быть использованы при подготовке учебных материалов и курсов по истории христианства в Западной Европе, всеобщей истории, религиоведению, истории Франции для ВУЗов и школ, а также в работе религиоведов, историков, культурологов, занимающихся проблемами

взаимоотношений светской и религиозной властей, церкви как социального института и роли религии в обществе.

Апробация результатов исследования прошла в Учебно-научном центре изучения религий Российского государственного гуманитарного университета. Часть выводов отражена в опубликованных автором статьях, общим объемом 1,75 п.л., и в сделанных докладах на научно-практических конференциях: 23-24.04.2010 «Проблемы исторического и теоретического религиоведения», МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, ИФТИ, доклад на тему: Противостояние Парижа и Рима в первой половине XVII века: «Дело послов»; 18-19.03.2011 «Проблемы исторического и теоретического религиоведения», МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, ИФТИ, доклад на тему: Расследование барона де Лобардемона (Проблемы интерпретации текста); 12-13.05.2011 Гендерное измерение религии, МГУ им. М.В. Ломоносова, доклад на тему: Гендерный вопрос в монастырской реформе во Франции первой половины XVII века.

Работа состоит из трех глав (по три параграфа каждая), введения и заключения. В приложение включены отдельные тексты, впервые переведенные на русский язык автором диссертационного исследования.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновываются цели и задачи исследования, ее актуальность, определяются объект и предмет работы, рассматриваются вопросы ее новизны, теоретической и практической значимости. А также приводится краткий обзор источников и историографии.

Первая глава, «Светская и церковная власть во Франции в первой половине XVII века в источниках и литературе», посвящена анализу отражения вопроса о распределении сфер светской и церковной властей в христианских источниках, оказавших основное влияние на формирование феномена галликанства и, в частности, его виденья кардиналом Ришелье. Глава состоит из **трех параграфов**, в **первом** – рассматриваются дискуссии о взаимоотношениях церкви и государства в европейской политической мысли; во **втором** – отражение реального взаимодействия церкви во Франции и зарождающегося французского абсолютизма, а также возникновение феномена галликанства; **третий** же параграф посвящен основным теориям рационализации французской национальной идеи в конце XVI – первой половины XVII века и превращения политической деятельности в профессиональную, что обосновывает, в том числе, рациональную интерпретацию позиции Ришелье в области религиозной политики.

Установлено, что церковно-государственная концепция кардинала, имевшая, прежде всего, практическое назначение, складывалась под воздействием множества теорий относительно природы власти и соотношения светской и церковной властей, представлений о роли церкви в обществе, ее статусе и взаимоотношениях с римским престолом. Разделить эти теории условно можно на три главных направления: ультрамонтане (поддерживающие теорию абсолютной власти папы), концепция «косвенной власти папы» Р. Беллармина и его последователей, и теории Парижского университета (отстаивавшего галликанскую *модель*).

Несмотря на то, что Ришелье принято считать защитником галликанства, следует отметить, что к первому документальному проявлению данного феномена (решение собора французских епископов и короля Карла VI от 27 июля 1398 года, заключавшееся в отказе от поддержки антипапы Бенедикта XIII и выход из подчинения папе Бонифацию IX) кардинал относился весьма сдержанно, как к вынужденной мере, инициированной французским духовенством. Будучи изначально направленной против антипап, в конечном итоге она обернулась и против пап. То есть проблема, обозначенная как попытка французов отстраниться от многовластия на Римском престоле (а именно такова впоследствии была

позиция представителей Франции на Констанцском соборе 1414 – 1418 гг.) на деле была гораздо шире, и ставила вопрос о частичной автономии французской церкви от Рима. Позицию же Ришелье в данном вопросе следует охарактеризовать как стремление к сохранению баланса сил, к «золотой середине». Именно поэтому он был скорее сторонником не Прагматической санкции (акта короля Карла VII, изданного 7 июля 1438 года в Бурже), впервые определившей статус Французской церкви, а Болонского конкордата (1516), согласно которому Галликанская церковь подчинялась монархии, но при этом обретала статус двойной зависимости (от короля и папы).

Можно предположить, что подобное неоднозначное отношение к статусу французского духовенства и осознание его затруднительного положения, было характерно не только для Ришелье. По крайней мере, судьба основных документов, фиксирующих статус галликанства, череда их принятия и отмен, дает повод для подобных предположений.

Таким образом, мы можем выделить несколько *моделей* галликанства, сформировавшихся в ходе истории. Первая была определена Прагматической санкцией и предусматривала верховенство соборов над папой. Вторую определил Болонский конкордат как некий пакт, заключенный между королем и папой, предусматривающий двойное подчинение церкви: короне и римскому престолу. Третья *модель* предлагалась Парижским парламентом, стоявшим на стороне огосударствления церкви, но при условии ограничения власти короля законом, иными словами, парламентом. Можно выделить еще и *модель*, условно определяемую как «римская», согласно которой Галликанская церковь оставалась таковой лишь по территориальному определению, фактически являясь неотъемлемой частью Католической церкви, возглавляемой Верховным понтификом, обладающим не только духовной, но и светской властью.

Именно статус двойной зависимости Галликанской церкви волновал Ришелье более остальных, что предопределило основные направления его внутренней и внешней религиозной политики, выразившиеся в стремлении рационализировать как французскую «национальную идею» (представление об общности на основании не мифа, а королевского права), так и понятие подданного.

Опираясь на схему эволюции национальной идеи во Франции, предложенную французским историком ле Руа Ладюри, согласно которой со второй половины XVI века мифологическое представление о «национальной идее» постепенно начинает сменяться рациональным, мы можем утверждать, что секулярный подход к управлению государством был воспринят Ришелье от предшественников. Однако кардинал был первым, кто стал

применять его на практике в полной мере. Придерживаясь политического курса Генриха IV, кардинал совершил существенный шаг вперед. Если Генрих IV менял свою конфессиональную принадлежность ради практической пользы, то Ришелье вообще исключил религиозный фактор из политического поля. Тот факт, что он был католиком, более того, кардиналом, не мешал ему заключать союзы с протестантами против католических держав. Прежде всего, благодаря тому, что церковь он рассматривал как одну из структур, органически встроенную в единую государственную систему.

Во второй главе, «Внешняя религиозная политика кардинала Ришелье в контексте церковно-государственных отношений» речь идет о взаимоотношениях французского правительства и римского престола (анализу данного вопроса посвящен **первый параграф** работы), в частности, об основных факторах, определявших французскую дипломатию эпохи Ришелье (**второй параграф**), а также о франко-испанском противостоянии в первой половине XVII века, освещению основных аспектов которого посвящен **третий параграф** работы.

Мы пришли к выводу, что ситуация во взаимоотношениях французской церкви и Рима была достаточно сложной, при том, что в первой половине XVII века она принципиально не отличалась от предшествующей эпохи, по-прежнему служа источником политического и социального напряжения.

К моменту прихода Ришелье во власть французское общество было разделено на ультрамонтан, сторонников галликанизма в варианте Прагматической санкции, сторонников Болонского конкордата (причем отдельной группой можно считать юристов с убежденностью в праве верховенства парламентов) и гугенотов, в свою очередь более или менее лояльных к власти. Оказывающиеся в условиях двойной зависимости и в положении «слуги двух господ», французские католики (прежде всего лояльная Риму их часть) представляли собой для правительства Франции проблему не меньшую, чем гугеноты. Притом, что Франция не могла последовать английскому примеру, где католики оказывались вне закона веротерпимости.

Стремившийся к поддержанию баланса сил в Европе, Ришелье видел в Галликанской церкви противовес Риму, который можно было использовать в государственных интересах. Исследование показывает, что подобное лавирование весьма характерно для кардинала. Он оставляет себе пространство для маневра, не примыкая ни к одной из придворных партий, не потворствуя Риму, но и не выказывая ему открытой непочтительности. Так, анализ

переписки кардинала демонстрирует озабоченность французского правительства интересами римского престола и преданность ему со стороны французов. До того момента, пока Рим не настаивает на идее «папского абсолютизма».

Можно утверждать, что во всех вопросах, когда папа выступал в качестве светского государя, Ришелье настаивал на независимости французской монархии (что вызывало яростную критику его деятельности со стороны ультрамонтан). Тем не менее, следует отметить, что под галликанством ряд исследователей, в частности, Блюш, подразумевает *модель* более автономную от Рима, чем та, которую отстаивал Ришелье.

Однако, несмотря на довольно драматическое противостояние, заподозрить Рим в попытке решить вопрос радикально, путем смены власти во Франции, как это неоднократно пытались сделать происпанские силы, повода нет. По крайней мере, римский престол явно не стоял ни за одним из заговоров против кардинала.

Прекрасной иллюстрацией процессов, происходивших во Франции в первой половине XVII века и сложных взаимоотношений французского королевского престола и Рима, нуждающихся друг в друге в качестве политических союзников и, может быть, поэтому не выходящих за рамки, пусть и жесткого, но исключительно дипломатического противостояния, является ситуация, которую условно можно назвать «делом посланцев». На основании проанализированной переписки Ришелье с папским двором, можно с большой вероятностью утверждать, что все угрозы провозгласить автономию Галликанской церкви по английскому образцу служили лишь для давления на Рим и не отражали истинных намерений кардинала. Ришелье был одним из тех, кто считал дипломатию одним из главных орудий правителя (отношения с римским престолом рассматриваются кардиналом как приоритетные).

В свою очередь, потребность ограничивать всевластие дома Габсбургов делало необходимым наличие некоего католического противовеса союзу Испании и Австрии. Рим выступать подобным противовесом в силу естественных причин не мог, равно, как и заключать союзы с протестантскими князьями. Что касается Франции, то она представлялась наилучшим решением этого вопроса. По крайней мере, Ришелье оценивал ситуацию именно так. И хотя к фигуре самого кардинала папа навсегда сохранил стойкую неприязнь, целесообразность поддержания европейского баланса отчетливо понимал и он сам.

В контексте франко-испанских отношений кардиналом решался, например, еврейский вопрос. Поиск компромисса с Римом, попытка опереться на португальских марранов (что отражено в письмах кардинала), союзы с протестантскими государствами – все это, с одной стороны, способствовало равновесию в Европе и ограничению могущества Габсбургов, а с

другой, вызывало в адрес Ришелье обвинения в индифферентности к вопросам религии. Однако именно все это позволяет утверждать наличие у Ришелье особой *модели* галликанства, во многом тождественной светскому понятию нации. Поскольку Галликанская церковь не мыслила ни малейшего равенства между католиками, гугенотами и евреями, понятие подданства, не зависящее от принадлежности к религии, не было распространено в первой половине XVII века. И, тем не менее, именно оно приходит на ум, когда речь идет о консолидации общества по национальному признаку или доминированию государственного интереса в противовес религиозной доктрине. Ибо только так были возможны союзы католической Франции с протестантами или еврейскими купцами против католической империи Габсбургов.

Принципиально важным является то, что Ришелье считается одним из идеологов теории «естественных границ», что отличало его от последующих правителей, в частности, Людовика XIV, чья внешняя политика подразумевала экспансию, в конечном итоге, обернувшуюся для Франции сильнейшим экономическим кризисом.

Таким образом, на основании внешней религиозной политики кардинала можно утверждать, что *модель* галликанства Ришелье базировалась на французской «национальной идее» (подразумевающей общность светского характера, где преданность монарху провозглашалась основополагающим принципом), подразумевала сильную королевскую власть, «естественные границы» Франции и ее автономию в Европе, необходимую для осуществления идеи европейского равновесия. Безусловно, это политическая *модель*, в которой религиозные вопросы отходят на второй план. По этой же причине они становятся второстепенными и при попытке реализации *модели* на практике. В то же время в духовной сфере кардинал провозглашал незыблемую власть римского понтифика, что в силу духовного подчинения короля Франции папе и размытости границ сфер влияния, создавало значительную проблему. Вопрос об определении пределов вмешательства римского престола во французскую политику остался открытым.

По мнению некоторых исследователей, подобная тактика человека, находившегося, как и католическая церковь Франции, в двойной зависимости, бывшего кардиналом Римско-католической церкви, получившим шляпу от папы, и главным министром «христианнейшего» короля, походила на лавирование между Сциллой и Харибдой (*Bluche F. Richeleu*). Причем, как во внешней, так и во внутренней политике.

Анализу основных аспектов внутренней религиозной политики Ришелье в контексте его церковно-государственной концепции посвящена третья глава работы «Внутренняя религиозная политика кардинала Ришелье в контексте церковно-государственных

отношений». В первом параграфе – рассматривается положение французской церкви в первой половине XVII века, определившее необходимость реформ, в частности, монастырской реформы (анализу которой посвящен второй параграф) и положение гугенотов, приведение которых к послушанию короне (на примере осады Ла-Рошели), рассмотренное в третьем параграфе, позволяет проанализировать суть понятия «подданного», предполагаемого кардиналом.

Установлено, что для Ришелье представлялось важным взаимопроникновение светской и церковной сфер. С одной стороны, он видел недостатки данного явления, как в случае с злоупотреблениями в распределении церковного имущества, назначениях светских лиц на церковные должности и т.д. С другой же стороны, влияние государственных структур на церковь он считал необходимым условием усиления королевской власти, к которому стремился. Оценивая состояние церкви как довольно плачевное (недостаток образованности не только мирян, но и духовенства, несоответствие поведения и внешнего вида священников их статусу и др.), Ришелье утверждал необходимость реформы. При условии, что реформа будет проведена под контролем короны. Он разделял внутренние причины кризиса и внешние. Внутренними можно было считать падение нравов, и с ними церковь должна была справиться сама. Справиться с внешними мог только король.

Тем не менее, было бы неверно утверждать, что действия кардинала были направлены на ущемление прав церкви. Это становится очевидно в вопросе об *appel comme d'abus* (передача дела, рассматриваемого духовным судом, светскому суду). Он расценивает историю возникновения данного обычая, как поиск священниками защиты у королевской власти, что довольно скоро привело к чрезмерным вмешательствам в их дела. Это очень важный момент, демонстрирующий, что Ришелье вовсе не был сторонником тотальной власти государства над церковью. Скорее, политика Ришелье ставила целью смену патримониальной власти короля властью правовой. Даже сфера церковного права, которую он отстаивал и защищал от посягательства светских судов, существовала по воле монарха, бывшего источником всякого права в королевстве. Таким образом, церковь в определенной степени сохраняла автономию, но при условии сохранения статуса одной из государственных структур, не более.

Будучи епископом, Ришелье уделял большое внимание образованию во вверенной ему епархии. Так, установлено, что первое учебное заведение было основано им практически сразу же после вступления в должность, еще до совместного с ораторианцами открытия семинарии. С целью просвещения паствы составляет он и свой катехизис «Наставление христианина» (с преобладающим методологическим посылом к кюре). Однако следует обратить внимание на то, что Ришелье не делает в катехизисе акцент на таинствах, что

несколько противоречило католической традиции. Это могло произойти либо под влиянием богословия иезуитов, либо в силу распространенности на территории епархии Ришелье населения, исповедовавшего кальвинизм. В пользу второго предположения свидетельствует и факт двуязычности катехизиса, в котором, в том числе, все молитвы были приведены как на латыни, так и на французском, что можно рассматривать как стремление сделать богослужение действительно доступным для паствы. Уже будучи министром, Ришелье настаивает на том, чтобы образование оставалось в руках церкви. Однако он распределяет сферы влияния между Парижским университетом и орденом Иисуса, что, во-первых, обеспечило соперничество в данной сфере, во-вторых, исключило монополию, и, в-третьих, поскольку данная реформа инициировалась правительством, утвердило доминирование государства и над университетом, и над орденом.

За всеми подобными преобразованиями стоит стремление кардинала к централизации церковных структур, вписанной в общую централизацию власти во Франции. Очевидно это и из монастырской реформы, проводимой Ришелье, недовольство которой в Риме и в самих конгрегациях было обусловлено именно давлением со стороны государства и фактическим подчинением монастырских структур королевской власти. Попытка поставить под контроль такие влиятельные монашеские организации как Клуни и Сито, например, с одной стороны, оправдывалась необходимостью вмешательства короны для наведения порядка, а с другой, преследовала цель укрепления могущества самой короны.

Невольно поднятый в контексте данной реформы гендерный вопрос объясняется теми же причинами. Рост числа женских монастырей, против которого кардинал выступал достаточно жестко, не только грозил обернуться излишним религиозным рвением, но и выйти из-под контроля королевской власти.

Таким образом, в сфере монастырской реформы Ришелье полагал необходимым порядочить дела и процедуры, сделать их более прозрачными для королевской власти, вписать монастыри в общую иерархию, что, в конечном итоге, служило становлению Галликанской церкви как некой обособленной системы, в свою очередь вписанной в уникальную французскую культуру и государственность.

Рассматривая противостояние кардинала и гугенотов в том же ключе, можно утверждать, что Ришелье намеренно опускал в отношениях с ними религиозный вопрос. Так, в письмах министра, адресованных Людовiku XIII и касающихся осады Ла-Рошели, нет ни слова о религии. Это не более чем взятие крепости, оказавшей неповиновение сюзерену. Ришелье намеренно подчеркивал отсутствие религиозной составляющей в этом конфликте.

Отметим, что целью взятия Ла-Рошели было не обращение ее жителей в католицизм, а возвращение его во все без исключения города королевства (и в гугенотские крепости). То есть фактически о подчинении Ла-Рошели королевской власти, остающейся католической. Даже если допустить неискренность кардинала в отношении гугенотов, формально их религиозные права ущемлены не были. Что позволяет отрицать преемственность его религиозной политики с политикой Людовика XIV.

Отсутствие религиозной подоплеки осады Ла-Рошели подчеркивают и официальные документы. В частности, донесения иностранным державам, на основании которых мы можем утверждать, что официальным поводом к началу военных действий послужило вовсе не вероисповедание его жителей, а союз, заключенный с иностранной державой (Англией) и воспринятый правительством Франции как угроза.

Однако здесь исследователь сталкивается с проблемой дефиниции религиозной войны как таковой. Делая вывод, что идеи демократического устройства и идеи Кальвина накрепко переплелись в сознании жителей Ла-Рошели, и политическая сфера для них была неотделима от религиозной, можно утверждать, что гугеноты воспринимали осаду крепости, начатую Людовиком XIII в 1627 году, как новую религиозную войну. И, понимая это, нельзя расценивать попытку Ришелье избежать восприятия конфликта как религиозного, иначе как намеренную.

В советской историографии, посвященной Ришелье, бытовало мнение, что Нимский эдикт 1629 года (получивший название «Эдикта милости»), отменив часть статей Нантского эдикта и лишив таким образом гугенотов их политической независимости, стал прологом к полной отмене Нантского эдикта. В контексте данного исследования представляется возможным взглянуть на «Эдикт милости» иначе. Лишая гугенотов их особых прав, кардинал предлагал им те же гражданские права, какими располагали католики Франции, при этом с возможностью сохранения свободы вероисповедания. То есть религиозный вопрос уходил в сторону, и подданные уравнивались перед лицом государя.

«Государство в государстве» было уничтожено вместе с «местами безопасности», предоставленными гугенотам Генрихом IV, что выделяло их в отдельную замкнутую группу. И, возможно, важнейшей вехой покорения Ла-Рошели был тот факт, что король воевал не с равным противником, он призывал к ответу подчиненных ему людей, карать или миловать которых имел полное право. Поэтому «Эдикт милости», отражал именно суть данного события, чрезвычайно значимого для усиления королевской власти.

На этом основании можно говорить об особой позиции кардинала, выразившейся не только в поддержке идей Болонского конкордата, но и четком представлении, что в ситуации двойной зависимости (от папы и короля), в которой не было точного разграничения предела власти той или иной стороны, доля могущества светского государства была несоизмеримо больше, хотя Ришелье и стремился сохранить связь церкви Франции и римского престола. С оговоркой, что при сходстве с точкой зрения Людовика XIV на верховенство светской власти, Ришелье шел путем компромисса, обусловленным и необходимостью гражданского мира в королевстве и возможностью опереться на гугенотов в противостоянии с Испанией и французскими ультрамонтанами.

В Заключении приводятся основные выводы работы.

В отношении церкви, как и в том, что касается общегосударственной политики, Ришелье был сторонником централизации и усиления королевской власти. Вследствие чего складывается впечатление, что он стремился подчинить церковь государству. Однако это был бы достаточно упрощенный подход. Скорее следовало бы говорить о создании церкви государственной. Но, хотя кардинала и обвиняли в стремлении выйти из подчинения Риму, в рамках данного исследования не было выявлено ничего, что указывало бы на подобное желание. Напротив, в переписке с римским престолом, в «Политическом завещании» и «Мемуарах» Ришелье неизменно демонстрирует почтение к понтифику, хотя одновременно и призывает короля блюсти, прежде всего, интересы государства, что указывает на принадлежность кардинала к сторонникам идеи европейского равновесия. И можно утверждать, что рассмотрение роли церкви сквозь призму отношений церкви и государства диктуется не столько задачей, поставленной в рамках данной работы, сколько позицией самого Ришелье, переводившего внутрицерковные отношения (общение епископов Франции с папой, монастырские реформы или деятельность монашеских орденов) в область политических всякий раз, когда претензии духовенства выходили за границы исключительно духовной сферы. А это происходило практически постоянно. В позиции кардинала нет изначального антагонизма с Римом. Но мы можем говорить о его роли в крахе ультрамонтанской идеи церкви как «христианской империи» с папой-государем во главе. Ришелье не спорит с авторитетом церкви как таковой, он оспаривает авторитет понтифика, не являясь сторонником абсолютной власти папы-монарха и отстаивая право короля на подвластной ему территории. Более того, утверждает, что как политик понтифик может ошибаться, что довольно остро ставит проблему подчиненности римскому престолу французских католиков, которая, не будучи сформулирована так же четко, как это

впоследствии будет сделано в Англии Д. Локком, тем не менее, достаточно заметна в концепции кардинала. Можно сказать, проблема, корнями уходящая ко времени принятия Болонского конкордата в 1516 году, согласно которому Церковь Франции попала в двойную зависимость от папы и короля, к моменту прихода к власти Ришелье оставалась по-прежнему актуальной. Сам кардинал не дает никакого решения, хотя в его концепции подобная зависимость и получает значительное смещение в сторону светской власти монарха.

Речь идет о государственной церкви, сама идея существования которой окончательно оформилась только с Реформацией. Церковь при этом встроена в систему государства. Однако это не банальное подчинение королевской власти, как могло бы показаться на первый взгляд. Ришелье выдвигает идею объединяющего нацию фактора. В первой половине XVII века религия была скорее фактором разъединяющим с ярко выраженной деструктивной функцией, и играть подобную роль не могла. В то время как процесс секуляризации национальной идеи (пусть и в начальной своей стадии) принес положительные плоды. Разъединенные различным мировоззрением люди объединялись как подданные одного короля. Это ни в коей мере не отвержение религии, как в XVIII веке, или ее принижение, скорее поиск новых путей и новых факторов для сплочения нации и создания единой французской культуры для многочисленных и разнообразных провинций. Отказ от религиозного однообразия в пользу интеграции общества. Именно поэтому кардинал считал возможными политические союзы с гугенотами против католических держав, оставаясь при этом католиком сам и полагавшим необходимость миссионерства среди ииноверцев как единственного способа обращения в католическую веру.

В концепции Ришелье «национальная идея» напрочь лишена романтической окраски. Она прагматична. Несмотря на то, что процесс ее рационализации начался еще при короле Генрихе IV, следует подчеркнуть, что только кардинал стал использовать последствия данного процесса на практике. В качестве доказательства можно привести тот факт, что для легитимизации своих действий он не менял религиозных убеждений, как приходилось делать вышеупомянутому королю для упрочения собственной власти.

Говоря о политике кардинала, не следует жестко разделять ее на внешнюю и внутреннюю, поскольку они подчинены единой стратегии, в которую вписана и религиозная политика. Однако разграничение, предпринятое в рамках данной диссертации, носит не только иллюстративный характер. Глава, посвященная внешней политике Ришелье, затрагивает, в основном, его взаимоотношения с Римом как центром католицизма, а также с Габсбургами как с его основным оплотом. В то время как глава, посвященная проблемам внутренней политики, затрагивает, прежде всего, вопросы взаимоотношений министра с

французами и реформы галликанской церкви как бы в отрыве от внешнеполитических коллизий. Тем не менее, пример Ла-Рошели, где внутренняя и внешняя политика тесно переплетены, является лишним доказательством довольно условного разделения этих сфер.

Политика Ришелье является компромиссной между полным подчинением Риму и отделением от него (как, например, в английском варианте). При этом у кардинала идея возможности неповиновения папе предстает концептуально, а не от случая к случаю, что не так встречалось в истории и прежде.

Таким образом, можно выделить два основных направления в стратегии Ришелье. Первое – поддержка идеи европейского равновесия, что больше связано с внешней политикой Франции. Второе – внутренние тенденции: более светский характер подданства, унифицированное право, сплочение французского народа национальной идеей адконфессионального характера.

Все церковные реформы Ришелье так же укладываются в его концепцию, и направлены, прежде всего, на централизацию власти и упорядочивание административных процедур.

Подводя итоги, можно заключить, что в концепции Ришелье церковь играла, прежде всего, роль структуры, «встроенной» в систему государства. С точки зрения кардинала, это несколько не умаляло ее авторитета, поскольку речь шла исключительно об уменьшении политической зависимости от Рима, то есть от другого иностранного государства. В духовной же сфере кардинал всячески поощрял влияние церкви (с сохранением главенства папы над французскими епископами).

Тем не менее, мы можем говорить о появлении секулярного понятия «подданного» в поху Ришелье, «безрелигиозность» правления которого отмечается многочисленными исследователями. Это попытка сделать статус подданного независимым и от вероисповедания, и от взаимоотношений в церковной общине. Поставить служение королю над всем прочим, что допускало наличие разных вероисповеданий во Франции, пусть и не равноценных, так как королевство оставалось неизменно католическим. Католицизм при Ришелье был главной, но не единственной религией Франции. И хотя кардинал и считал кальвинизм заблуждением, по его же мнению, данное заблуждение никак не препятствовало французам-протестантам быть хорошими подданными своему сюзеру. И именно этот момент принципиально отличает позицию кардинала как от предшественников, так и от последователей.

Следуя идее централизации королевской власти, кардинал выстраивает некую идеальную структуру, основу государства как структуры, все элементы которой оказываются подчинены главному мотиву – государственному интересу. И хотя государство для Ришелье – это не

только король, именно король находится во главе вертикали. Что исключает какое-либо доминирование извне, в том числе и доминирование понтифика, и тем самым сильно смещает двойную зависимость Церкви (от папы и короля) в сторону светской власти.

Ришелье делает ставку не на короля-чудотворца, хотя подобные представления еще актуальны в сознании французов первой половины XVII века (более того, «возложение рук» королем в эпоху абсолютизма становится неременным атрибутом торжественных церемоний, прежде всего, в дни больших церковных праздников, правда, опять-таки с целью подчеркнуть величие монарха), а на короля-государя, во многом профессионального политика. В данном вопросе, кардинал, безусловно, осознанно или нет, опирается на общие социальные тенденции, делающие возможным воплощение его идей на практике. В частности, это начальный этап секуляризации французской национальной идеи, а также формирование политики как отдельной профессиональной среды, актуального для Франции указанного периода.

Следует отметить, что в исторической литературе часто преувеличивается независимость Франции от Рима в начале XVII века, поэтому отстаивание кардиналом автономии королевской власти – процесс довольно сложный, сталкивающийся со множественным противодействием, как со стороны Рима, или католических государств, прежде всего, Испании, так и внутри страны.

Ришелье не поднимает вопрос о сакральности королевской власти. Однако его стремление к ее централизации можно рассматривать как смену патримониальной власти правовой, причем с основой в виде унифицированного права, единого для всей территории королевства. Авторитет трона при этом становится прямопропорциональным вмешательству королевской администрации во все сферы социальной жизни. В том числе, церковную. Следует отметить, что выстраиваемое политическое пространство нельзя характеризовать однозначно как «светское» в виду пересечения различных мировоззренческих позиций в обществе. В частности, примером может служить разная оценка осады Ла-Рошели правительством и жителями крепости, которая для одних была приведением мятежных подданных к повиновению, а для других – религиозной войной «праведников» против «нечестивых». Радикальная смена политики в области религии Людовиком XIV может рассматриваться не только как его личное решение, но и как ответ потребностям католической части общества, которая оказалась не готова к принятию религиозной разнородности, при этом составляла большинство населения, и восприняла отмену Нантского эдикта как безусловное благо.

Концепция кардинала, довольно успешно претворявшаяся в жизнь при самом Ришелье, частности, после капитуляции Ла-Рошели с 1629 года, не имевшая практических аналогов в истории Франции прежде, была фактически сведена на нет после его смерти. При этом, что важно, речь не идет о снижении религиозности французов или короля, или отсутствии должного почтения к религии у самого кардинала. Но религия в эпоху Ришелье перестает быть определяющим фактором французской политики, что можно без преувеличения назвать уникальным явлением для первой половины XVII века.

Статьи, опубликованные в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Шаповалова Е.В. Внешняя политика кардинала Ришелье в контексте отношений между церковью и государством//Вестник РГГУ, № 17 (79). Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология», М., 2011. – С. 144 – 150
2. Шаповалова Е.В. Из истории монастырской реформы во Франции в первой половине XVII века (Расследование барона де Лобардемона)// Религиоведение. - №1 – 2012. – С. 20-26

Другие публикации по теме диссертации:

1. Шаповалова Е. Противостояние Парижа и Рима в первой половине XVII века: «Дело послов»//Точки, 1-2/9/2010, М., 2010. – С. 241-243
2. Шаповалова Е. Расследование барона де Лобардемона (Проблемы интерпретации текста)//Точки, 3-4/9/2010, М., 2011. – С. 49-58

Формат 60x90/16. Объем 1,5 п.л Тираж 100 экз.

Бумага офсетная 80 гр./м.²

Отпечатано в типографии ООО «Атлет Пресс»

г. Москва, ул. Ф.Энгельса д. 6 корп.2